

Андрей Барабанов

НЕАЭЛИТА

Что такое любовь?

Андрей Барабанов

Неаэлита

«Издательские решения»

Барабанов А.

Неаэлита / А. Барабанов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-740946-3

Что такое Любовь? Химия, наваждение, болезнь? А Дружба? Она вообще есть?
Или это только мираж? Давайте подумаем над этим вместе.

ISBN 978-5-44-740946-3

© Барабанов А.
© Издательские решения

Содержание

Рассказы	6
Две банки китайского пива	6
Неаэлита	10
Имитация	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Неэлита

Андрей Барабанов

© Андрей Барабанов, 2018

ISBN 978-5-4474-0946-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рассказы

Две банки китайского пива

Уходящий поезд выглядел красиво. Как в фильмах. Ну, допустим, про войну. Прощальный поцелуй, солдат заскакивает на подножку и, держась за поручень, машет рукой. А потом показывают последний вагон, гудок и опустевший перрон.

Все было почти также, только никто никого не провожал. На перроне стоял один я и задумчиво смотрел вслед составу, в котором уезжали моя спортивная сумка с вещами и приятель Витька. В руках – две жестяные пивные банки с причудливыми иероглифами.

Пить, понятное дело, расхотелось.

Как в трансе, вошел в здание вокзала. Все-таки отстать от поезда в тринадцать с чем-то лет, знаете, довольно страшно. В чужом городе, один... Тут я заметил, что несу пиво. В вытянутых руках, как ритуальный предмет какой-то. Подошел к окну и с досадой поставил банки на подоконник.

В задумчивости прогулялся по залу. Что делать? Не знаю... Но паники не чувствовал.

Вернулся к окну. Банок не было. Возле дверей, на меня, ухмыляясь, смотрели два солдата. По виду, недавние призывники.

Ну, и черт с ними. Понесло меня в магазин. Сидел бы в вагоне с Витькой и играл в дурака.

Просто пива я еще никогда в жизни не пил. Тем более в банках. Да и на поезде один, без взрослых, ехал впервые. И тут, свобода, привет! Двадцать пять рублей на дорогу. А банка – по рубль одиннадцать копеек. И ничего, что остановка – десять минут, успею.

И перед Витьком повыделываться надо, говорю: «Слушай, давай пива попьем!». Он был младше меня на год, тоже ехал к бабушке на каникулы, только выходил раньше, на станции с необычным названием «Ерофей Павлович».

В магазине была небольшая очередь. Два человека. Женщина средних лет и женщина постарше. Бабушка, в общем. Первая прошла быстро, а вторая, естественно, нет... Не мог же я ее отодвинуть.

Тут я увидел окошко. Обычное такое, типа билетной кассы. С надписью: «Дежурный по вокзалу». Подошел, заглянул. Никого.

– Тебе чего?

Я оглянулся. Передо мной стояла женщина из магазина. Та, что «средних лет» (это хорошо, что не старушка, вторую встречу с ней я бы не вынес).

– Да, вот... Поезд мой ушел, а я з-з-здесь – немного испугавшись, ответил я

– А, милоч, отстал что-ль? Так это дело привычное. Какой поезд?

Я назвал.

– Багаж был? Попутчики?

– Сумка и Витька.

– Хорошо. Сейчас позвоню на следующую станцию и сумку твою снимут. Витьку тоже снимать?

– Да нет, Витька пусть едет – немного подумав, ответил я.

– Билет при тебе?

Билет остался в вагоне.

– Ладно. Сейчас сделаю тебе билет на другой поезд, а на следующей станции выйдешь из вагона, тебе Василий Петрович сумку твою отдаст.

Настроение улучшилось. Вся надежда на Василия Петровича.

Потом Витька рассказывал мне: «Сижу, жду тебя. Вдруг поезд тронулся. Я что делать – не знаю. В общем, поехал дальше. На следующей станции зашли какие-то люди, где тут, говорят, сумка Кольцова Дмитрия Владимировича? Ну, я и отдал»

Вообще, Витьку я знал плохо. Он был двоюродным братом моего закадычного друга, жил далеко от меня. Как попал мне в попутчики – не помню. Скорее, просто совпадение.

Через три года после нашей совместной поездки Витьку убили, хотя парнем он был безобидным, в драки не лез, с уголовниками, наркоманами и прочими сомнительными личностями вроде не водился... Впрочем, тогда многих подростков в нашем городе убивали. В случайной драке, из-за косога взгляда, денег, в пьяном угаре или наркотической ломке. Однажды я сам находился в шаге от смерти, когда недавно «откинувшийся с зоны» мужик махал перед моим лицом перочинным ножиком, но бог миловал.

До следующего поезда оставалось четыре часа. Я послонялся по перрону, по привокзальной площади. Зашел в тот же магазин. На пиво даже не посмотрел.

На выходе из магазина мне попала афиша кинотеатра. Шел какой-то боевик. Я посчитал оставшиеся копейки. Хватало в обрез.

В полутемном зале почти никого не было. Время было буднее, обеденное. Залитые жарким летним солнцем улицы пустовали, чего уж тут говорить о кинотеатре.

Дернулась массивная штора и в темноту зрительного зала ворвался сноп света. Повернувшись, в бликах кинолучей я разглядел худенькую девочку с темными волосами с мороженым в руках. Она осмотрелась, подошла к моему ряду и присела с краю, недалеко от моего места.

Это было какое-то видение. Завороженный, я смотрел на нее, как она изящно откусывала вафельную кромку, слизывала пломбир и мотала ножками. На экране шла отчаянная драка, стреляли, что-то взорвалось, но мне было все равно. Я не мог оторваться.

Девочка заметила, что я смотрю на нее. Я отвернулся и сделал вид, что увлечен фильмом.

– А хочешь мороженого?

– Что? – я совершенно не соображал.

Обернувшись, я увидел, что девочка уже сидит рядом и протягивает стаканчик.

– Мороженого хочешь? – сказала она и засмеялась.

Ее звали Лера, примерно моих лет, может, чуть-чуть помладше. После кино мы пошли во двор ее дома, который был рядом с кинотеатром. Я рассказал свою историю, она о себе, что недавно ее семья переехала сюда (папу, военного, в очередной раз перевели), она никого здесь не знает и только тем и занимается, что читает, ходит в кино и иногда с родителями на речку.

Два часа пролетели незаметно. Мне говорили, смеялись, рассказывали анекдоты, какие-то случаи из школы. Мне казалось, что я знаю эту темноволосую, худенькую девочку со смуглым личиком давно, – только мы долгое время не виделись и, вот, встретились...

– Ну, ладно, – сказала Лера, смеясь, – давай уже иди на вокзал, а то опять опоздаешь.

Я встал. Наши глаза встретились. В ее взгляде бегали искорки, ямочки играли на щеках. Внутри меня шло какое-то возбуждение, хотелось сделать что-то невероятное, взлететь до небес, перепрыгнуть через качели, залезть в клумбу и нарвать цветов для нее, станцевать – и так далее и тому подобное...

Но ничего, конечно, не сделал. Что со мною происходит, я не понимал.... В голове шумело. Помахал рукой и быстро пошел в сторону вокзала.

Через три года мне довелось быть проездом в этом городке. Нас отправили на практику в тайгу, изучать процесс лесовосстановления и нужно было ехать до Дальнереченска на поезде, а потом на автобусе до деревни Рощино, а оттуда, уже пешком, до таежного поселка.

Естественно, я не мог пройти мимо этого двора. Бабушки на лавочке быстро вспомнили темноволосую девочку и долго мне ее нахваливали: «Лерочка, такая умница, такая вежливая, такая хорошая... А папа с мамой у нее...» Наконец, я не вытерпел и спросил, где ее квартира.

– Квартира ее? Так уехала она. Отца ее перевели и уехали.

– Как? – только и смог выдать я.

Куда именно переехала семья Леры, бабушки не знали. Через двадцать минут отходил мой автобус, я поблагодарил старушек и быстрым шагом отправился на автовокзал.

Шел дождь. Капли медленно стекали по стеклу, размывая суровый таежный пейзаж. За окном автобуса проплывали многолетние сосны, похожие на мудрых, величественных исполинов. Было мутно. Хотелось крикнуть водителю: «Останови!» – выйти и пойти пешком, куда глаза глядят. Все равно...

Через много лет я испытал ровно такие же чувства, что и тогда, когда отстал от поезда. Я вспомнил тот день, злосчастные банки китайского пива... Я увидел в ЕЕ глазах те же искорки. И поклялся, что больше никуда ее не отпущу.

Неаэлита

Имя меня взволновало. Из головы сразу же улетучились все мысли, кроме одной – о предстоящей встрече.

Воображение рисовало образ хрупкой, воздушно-утонченной девушки с большими глазами. Остаток дня, вечер и ночь я прожил, думая о ней, Аэлите, – в томительном ожидании нового романтического приключения, которое, как казалось мне, непременно должно было перерасти в что-то серьезное и вечное...

Меня даже не смущало, что тезка героини романа Толстого была старше меня почти на четыре года. «Двадцать восемь лет, – думал я – это даже хорошо, значит, мы будем мыслить на одном уровне, ведь у нее уже есть определенный опыт, наверняка она тоже любит засыпать с книжкой, к чему ее приучили родители-интеллигенты, выбравшие своему ребенку столь необычное имя».

Первое, что поразило меня, это тугие «мячики» грудей, безжалостно сжатые белым лифчиком, сверкавшим сквозь прозрачную кофточку с довольно откровенным декольте. Молодое, белое тело так и рвалось наружу, казалось – стоит чуть дотронуться до одежды, как она лопнет и рассыплется на сотни маленьких лоскутков. Первое же впечатление разбило в пух и прах все мои грезы и мечтания о чем – то необыкновенном, необычайном, которое должно было перевернуть мою жизнь и раскрасить ее необыкновенными красками...

Краски присутствовали. Точнее, одна из них. Волосы девушки оказались обесцвеченными перекисью, о чем можно было догадаться по темно-русским корням на голове. Все остальное было еще прозаичнее. Она была не худая, но и не толстая, не низкая, но и не высокая, не дурнушка, но и не красавица. Если бы я встретил ее где – нибудь на улице, то не обратил бы никакого внимания.

Разговор не клеился. Мы стояли в раздевалке старшей группы детского сада «Солнышко», куда водила своих детей вся элита Саратова и где она работала воспитательницей, и, смущенно улыбаясь, обменивались ничего не значащими фразами. За окном быстро стемнело, я помог Аэлите одеться в потертое пальто с отточенным мехом воротником, мы вышли на улицу.

Какое-то время шли молча, потом я, чтобы прервать неловкую паузу, начал расспрашивать ее о имени, о том, читала ли она роман, что она о нем думает. Мне казалось, что не все потеряно, что внутренний мир моей новой знакомой может оказаться куда богаче, чем внешняя оболочка. Медленно падающий снег, сверкающий в огнях фонарей, успокаивал меня и как бы поддерживал мои сомнения. «Ты видишь – говорили мне снежинки, – мы не спешим упасть на землю. И ты не спеши»...

Было видно, что мои вопросы ее если не раздражали, то вызывали какую-то досаду. Отвечая, девушка, то и дело, морщила картошечный носик, демонстрируя свое неудовольствие. Я думал, что зря я начал задавать вопросы, связанные с ее именем, что она слышала их уже тысячу раз, что они ей надоели. Как выяснилось, я ошибался. Дело было в другом – книгу она читала, но мало что поняла и вообще ей не нравится фантастика. Как, впрочем, и другие жанры, кроме любовной мягкообложечной беллетристики, коей завалены книжные лотки.

Пройдя два квартала, мы остановились возле высокого деревянного забора с облупленной краской. За ним виднелась крыша, покрытая шифером, белый дым, словно насмехаясь надо мной, кружился из трубы. Войдя во дворик, я увидел несколько обитых дерматином дверей. За одной из них, помахав рукой, скрылась моя новая знакомая. Меня окружали какие-то сараи, запотевшие окна, свалки хлама. Я оказался внутри обычного частного двора, которых в центре старого купеческого города, было много. Вокруг него возвышались многоэтажки. Напротив, стоял четырехэтажный особняк из красного кирпича с черепичной крышей, пластиковыми окнами, причудливыми узорами на балконных решетках, что еще больше подчеркивало убогость места, в котором, волею судеб, я оказался.

На следующий день, окрыленный, отбросив все дела, помчался к новой знакомой. Я еще все надеялся, что Аэлита раскроется, покажет себя. «Ну и пусть, что она всего закончила педучилище, образование в наше время не всегда есть признак ума» – тешил я себя.

Мы зашли в какое-то невзрачное кафе, выпили по стакану вина, закусили шоколадкой. Кавалер, конечно, из меня был неважный, так как на зарплату рядового чиновника (которую к тому же регулярно задерживали) я немного мог себе позволить.

– Аэлита, почему ты все время какая-то грустная?

– Я всегда такая.

После этой фразы все стало становиться на свои места. Незаметно между нами разверзалась пропасть, мы все больше понимали, что мы разные. Потом были еще встречи, прогулки, дешевые кафе и даже концерт группы «Дюна». Она «показывала» меня своим подругам и родителям. Подругам я показался, судя по всему, не очень. Они гуляли с разбитными, разухабистыми парнями, которые вели, по словам Аэлиты, жизнь, полную веселья и приключений. И своей подруге желали того же.

Результат первого общения с родителями оказался не лучше.

Меня встретили радушно. Стол был накрыт по-деревенски: соленые огурцы, салат «Оливье», селедка, домашнее вино. Соответственно столу шел и разговор. О житье-бытье, зарплатах, соседях, родне и прочем. Аэлита больше молчала. Отчим, смуглый, жилистый, небольшого роста мужичок, сидел в майке и мрачно уплетал пельмени. Говорила, в основном, мать. Как я узнал, она работала в проектно-институте техником и одновременно техничкой, отчим – там же сторожем. В 20.00 все, как по команде, встали и побежали смотреть бразильский сериал.

Сериал смотреть мне не хотелось. Тем более бразильский. Во времена «Дикой Розы», когда все улицы вымирали в часы демонстрации страданий юной Вероники Кастро, я тоже участвовал в этом всеобщем сумасшествии. Когда сломался телевизор, бегал смотреть сериал к соседям. Потому что это было модно. Все смотрели, и я смотрел. Было не очень интересно, – шуры-муры, какие-то страдания на пустом месте. Но страшно хотелось знать, чем все закончится. Потом я повзрослел и перестал забивать голову мексиканскими, бразильскими, аргентинскими и т. п. сюжетами, которые практически ничем не отличались друг от друга.

...Вошел в ее комнату. Стол, стул, кровать. Полка, десяток книг на ней. Магнитофон, вертушка с кассетами. Ничего интересного. На обложке одной из кассет виднелись какие-то облака, гитарист... Ничего себе – Dire Strates! Значит есть что-то в этой девушке...

– «Это брат подарил. Я слушала, что-то не очень» – услышал я за спиной.

Все остальное уже было не важно. Наши отношения продолжались по инерции. Я утратил всякий интерес к ней. Просто хотелось тела – свежего, белого, сочного. Но и этому не суждено было случиться, о чем я несколько не жалел.

Как-то мы оказались у нее дома одни. Родители ушли в гости. Я сходил за вином, купил по дороге цветы. Посидев на кухне, пошли в зал. Горел ночник. Аэлита была в одном тонком халатике, через который явно проступала грудь, пестрел ажур трусиков... Держа руки в карманах, она красовалась передо мной, дразнила своей молодостью, своей сочной плотью. Моя рука потянулась к ее, залезла в карман и потянула это эротическое видение к себе. Карман треснул. Смазливое личико скривилось гримасой досады. Я сразу же стал в ее глазах ничтожеством. Испортил вещь! Мещанское сознание девушки такого простить не могло.

Через несколько дней все было кончено.

...Звонить пришлось долго. Я знал, что в доме кто-то есть (из трубы шел дым) и хотел, чтобы мне открыла Аэлита и сказала, что мы не можем быть вместе, чтобы мы объяснились. Мне хотелось увидеть ее лицо, поговорить...

После очередного звонка вышел отчим. В той же майке-алкоголичке, что и сидел за столом во время того, «показательного» ужина.

– «Ну че трезвонишь?» – его взгляд исподлобья был полон классовой ненависти.

...В раздевалке детского сада «Солнышко» стояла она: обесцвеченная, с тусклым взглядом, в глухом коричневом платье, абсолютно скрадывавшем ее. Было видно, что ей просто неприятно говорить эти слова расставания, но еще больше злило ее, что после меня на полу остались грязные следы. Она стояла и злилась: не худая, но и не толстая, не низкая, но и не высокая, не дурнушка, но и не красавица. Неаэлита...

Имитация

– Я очень хочу тебя, Андрей!

Ты сказала это требовательно. Так, наверное, родители говорят своим маленьким детям, когда хотят, чтобы они сделали что-то. Или наоборот не делали.

В кухне сидел наш сын и смотрел мультфильмы.

– Не могу – сказал я извиняющимся тоном, за который себя ненавижу, – я записался к парикмахеру на 2 часа.

– Отмени.

Тон остался тем же.

– Отменить-то не проблема, – подумал я, – а смысл? Опять все наспех, в какой-то ненужной и противной суете. Две минуты неуклюжих движений и снова разочарование... Еще и сын – в кухне.

– Ладно. Насильно мил не будешь – обиженно сказала ты, поднялась с дивана и вышла из комнаты.

– Да дело не в этом – уныло протянул я тебе вслед. Но ты уже не слышала.

Я стал собираться. С чувством, будто провинился и меня выгоняют из дома.

Но почему? Я ведь тоже тебя хочу. Но не так. Не здесь. Точнее, здесь, но не сейчас. Точнее, сейчас, но только... Тьфу.

Из кухни раздавались звуки, похожие на удары и визг. На экране шел «Том и Джерри». Кто кого лупил, мне было неизвестно, да и неинтересно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.